Моск. правда, 1972, 27/VIII

ГАСТРОЛИ В МОСКВЕ

ТЕАТРАЛЬНОСТЬ И ПРАВДА

ДОБРОДУШНЫЙ увалень. Большой ребенок. Таким предстает в исполнении К. Себриса капитан по прозвищу Йынь с острова Кихну в спектакле Латвийского театра драмы имени А. Упита «Дикий капитан». Наивностью и чистосердечием веет от всего его облика. И еще ощущается в нем сила и надежность. Он не подведет и не продаст — это видно с первого взгляда. А своим простодушием он располагает к себе всех без исключения. Даже царский адмирал (В. Грузинь) обескуражен его прямотой и вручает Капитану нужную ему бумагу. Не совсем, правда, официальную, но все-таки какой ни есть, а документ! И рад он ему, как дитя: весь сияет, бережно заворачивает в носовой платок.

Сила Капитана — в добродушии и огромном жизненном опыте, в знании моря. О корабле Капитан — Себрис говорит нежно и проникновенно, как об очень близком человеке, который может заболеть или устать, но никогда не подведет друга. У Капитана прекрасные глаза — добрые и наивные. Но от их взгляда не ускользает ничего, он зорко смотрит на окружающих. Чутье ведет его по морю и по жизни вернее компаса.

Словом, Капитан — это личность, большая личность. И не окажись он большой личностью, пьеса Юхана Смуула могла бы предстать как история о невежественном человеке, капитане без диплома, которому хотя и можно доверить судно, однако в этом есть известный риск. В море может всякое случиться. И как свидетельствует историческая истина, случилось плохое и с легендарным Капитаном. Он утонул при невыясненных обстоятельствах.

В спектакле есть специальный персонаж, именуемый Исторической Истиной. Он предстает в предельно строгом исполнении А. Яунушана всего лишь как бесстрастная историческая справка, как констатация фактов, не более. Как маленький комментарий по поводу большой жизни. А жизнь Капитана в спектакле действительно большая жизнь большого человека.

В обаянии благородного человеческого сердца — смысл спектакля, построенного режиссером М. Кублинским на сложнейшей системе людского притяжения к этому сердцу.

Спектакль «Дикий капитан» выполнен в тщательном и умном режиссерском рисунке. Его отличают точность и динамичность действия, яркость характеров, выразительность лаконичных мизансцен.

Судя по одному только этому спектаклю, можно утверждать, что театр, носящий имя народного писателя Латвии А. Упита, верен традициям, которые отличают большой, психологический театр. Здесь ценят искусство перевоплощения, стремятся предельно выявлять индивидуальность драматурга, его стиль, его образную манеру.

Об этом свидетельствует весь репертуар, который привез Латвийский театр на гастроли в Москву, — и национальные спектакли («Вой, ветерок» Я. Райниса, «Бескрылые птицы» и «Пятиэтажный город» В. Лациса, «Мой милый мой дорогой» Х. Гулбис), и западная пьеса («Трамвай «Желание» Т. Уильямса), и, наконец, советская классика («Дачники» М. Горького).

«Дачники» в постановке главного режиссера театра А. Яунушана — произведение, безусловно, для театра программное. Не случайно свою работу коллектив посвятил 50-летию со дня образования СССР. Это спектакль сатирически заостренный, в котором есть отчетливые социальные акценты.

Мысль постановки выявлена в самом оформлении сцены, звучащем символично. Мертвые деревья, даже не деревья, а одни стволы без веток и листьев. Уродливые обрубки, лишенные даже корней, подвешены в воздухе. Люди слоняются между этими неживыми стволами, а во время пикника — что выглядит особенно уродливо — украшают их фонариками и искусственными цветами.

Под стать деревьям и люди, в которых опустошенность, пресыщенность жизнью органично соседствуют с театральной позой. Позируют все — и по-русалочьи обольстительная Юлия (М. Краузе), и писатель Шелямов (У. Думпис) — фигляр в образе меланхоличного пророка. Безучастный взор, томная разочарованность в жестах. И пустые холодные глаза. Жалка и трагична в своем позерстве Калерия — Л. Фрейманс. Претенциозный цветок в волосах. Изломанные жесты, неживые позы. И лишь на сером стертом лице — фанатически блестящие глаза. Она живет в своем выдуманном маленьком мирке, далекая от жизни. И как-то очень визгливо, отвратительно пугается живой человеческой боли, трусливо прыгая вокруг раненого Рюмина (Ю. Лаяскали). Образ Калерии, сделанный актрисой гротескова, приобретает почти символическое звучание. Калерия — это тот последний человек, которого запоминает зритель в конце спектакля, когда, заламывая руки, мечется она между мертвых деревьев, а издалека доносится голос Марии Львовны (Э. Радзиня), зовущий кого-то: «Идите к нам!». И слова эти тоже звучат символично.

В спектакле подчеркнуты черты обывательщины, никчемности, краснобайства всех этих господ, живущих дачниками на земле своей отчизны.

Не случайно режиссер выделил и комедийно заострил фигуры «любителей драматического искусства». Ярко-желтая претенциозная дама (И. Хинценберга). Актерствующий господин (Ю. Бебриш). Нелепый юноша в кричаще-зеленом костюме (Х. Амолинь). Все они — очень выразительные персонажи. И когда «зеленый» юноша принимает Семена Семеновича Двоеточие (К. Себрис) за актера, уверяя, что есть в его лице что-то театральное, эти слова точно доходят до зрителей. В сущности все они, эти люди, — комедианты, склонные рядиться в яркие одежды, драпироваться в тогу несуществующих чувств, вставать в позу разочарованных мыслителей. Это фигляры, обреченные самой историей на никчемное существование. Поэтому такой правдой и силой звучат в спектакле слова Власа (Ю. Каминский) — злые, но очень убедительные, искренние слова обличения.

Спектакль богат актерскими удачами. Это и Варвара Михайловна — В. Лина, и дачный сторож — К. Клетниек, и Соня — М. Фелдмане. И особенно доктор Будаков, сыгранный Г. Цилинским необычайно точно и тонко. Это типичный интеллигент, характера мягкого, нервного и безыскусственного.

Все спектакли, привезенные Латвийским театром имени А. Упита в Москву, свидетельствуют о том, что это — коллектив, богатый интересными актерскими и режиссерскими индивидуальностями, стремящийся к глубокому прочтению драматургии, к социальному, острому ее осмыслению, к проникновению в человеческий характер. Это театр большой сценической культуры.

Ирина ПАТРИКЕЕВА.

НА СНИМКЕ: К. СЕБРИС в роли капитана Йыня.